

Татьяна ПАНФИЛОВА

Развивается ли наше общество?

Публикуемая ниже статья Т. Панфиловой вызвала споры в редакции и среди членов редколлегии. Со многими высказанными в ней положениями и особенно выводами мы принципиально не можем согласиться. Однако нельзя не видеть и того, что эти выводы продиктованы искренней озабоченностью автора судьбой реформы, будущим нашей страны. Т. Панфилова выразила настроения, в значительной мере распространившиеся сейчас среди интеллигенции, которая, горячо поддержав после путча новую, демократическую власть, теперь отворачивается от нее с разочарованием и даже отвращением. Эта ситуация анализируется в статье В. Согрина, поднимающей вопросы, вокруг которых сегодня все чаще скрещиваются копыта: о роли интеллигенции в проходящих преобразованиях, о ее месте в новой жизни. Публикуя эти материалы, редакция надеется на заинтересованный отклик читателей и планирует продолжить дискуссию.

На протяжении нынешнего столетия в нашем обществе происходили и до сих пор происходят колоссальные изменения. Правомерно ли считать, что в результате этих изменений, особенно последних по времени, наше общество развивается? Вопрос можно поставить иначе: если развиваются отдельные сферы жизни общества, означает ли это, что развивается общество в целом? Для ответа на этот вопрос придется разобраться в том, что мы понимаем под общественным развитием и по каким критериям отличаем общественное развитие от изменений или даже развития в обществе.

Если брать отдельные сферы общественной жизни, то направленность их изменений, на мой взгляд, нетрудно проследить. Например, вполне допустимо говорить о развитии тяжелой промышленности (даже о гипертрофированном ее развитии) или о расширении сферы образования, имея в виду как начальное образование (увеличение числа грамотных), так и высшее (рост числа специалистов с высшим образованием). Проблема начинается там, где поднимается вопрос об обществе в целом и где количественными показателями не обойтись.

Почему бы не воспользоваться таким критерием общественного прогресса, как уровень развития производительных сил, особенно если оговорить, что мы против отождествления производительных сил с вещными факторами производства, как принято в технологическом детерминизме, а истолковываем их как систему субъективных и объективных сторон производства, как внутреннее единство человека с орудиями и средствами производства, с помощью которых он включается в процесс деятельности.

Думаю, что такой критерий безотказно работал при осмыслении общества, в котором экономика была определяющей сферой, а политика выступала как «концентрированное выражение

Панфилова Т. В. — кандидат философских наук, доцент Московского государственного института международных отношений.

экономики», т. е. при оценке достижений классического капитализма, когда уровень развития экономики диктовал особенности социальной и политической структуры общества. Применительно к нашему времени в понимание общественного развития требуется, на мой взгляд, внести определенные коррективы, связанные с двумя обстоятельствами: во-первых, с сомнительностью тезиса о том, что экономика в обществе любого типа определяет его социальную структуру и политику; во-вторых, с реальными изменениями в мире, направленными на преодоление односторонней зависимости человечества от экономических законов.

Не вдаваясь в теорию, по первому из отмеченных обстоятельств ограничусь констатацией того, что, как показала практика, в нашем обществе соотношение экономики и политики было обратным: более 70 лет экономика развивалась по таким направлениям и такими темпами, какие предписывались политическими решениями, освященными идеологически. И сегодня, несмотря на заявления о возвращении на путь «естественного» развития общества, экономические проблемы решаются, как правило, политическими средствами, для чего опять требуется свое идеологическое обеспечение. Так, частная собственность насаждается политически с соответствующим идеологическим обрамлением. Это проявилось, например, в линии на ликвидацию колхозов и совхозов. И хотя руководству пришлось внести поправку в первоначальное заявление, подчеркнув, что речь идет о ликвидации только убыточных хозяйств, соответствующий политико-идеологический настрой уже создан. Частному собственнику отдается предпочтение, а люди, выступающие за коллективные формы хозяйствования, автоматически зачисляются в разряд консерваторов и противников демократии безотносительно к тому, каковы их подлинные намерения. За политико-идеологическими дискуссиями теряется смысл земельной реформы: проводится ли она во имя насаждения частной собственности или для обеспечения страны продовольствием. Если верно последнее, то необходимо, во-первых, предоставить возможность всем формам хозяйствования доказать свои преимущества на деле, а не постулировать экономические преимущества частной собственности идеологически; во-вторых, считаться с реальными особенностями нашей страны, даже если мы их оцениваем негативно, ибо ссылки на опыт других стран ничем не помогут; из того, что в других странах частная собственность дала положительные результаты, с логической необходимостью не следует, будто и в нашей стране все сложится аналогично. Но если уж мы решили принимать к сведению опыт других стран, следует учесть его во всей полноте, а не вырывать из него только желательные для нас фрагменты. Так, в Польше наличие частной собственности не убергло страну от жестокого экономического кризиса, в чем-то сходного с нашим.

Значит, частная собственность — не панацея. Она дает положительные результаты только в комплексе экономических и социальных мер. Готовы ли мы к их введению? Готовы ли мы отнести к частной собственности как к одному из элементов регулируемой хозяйственной системы, а не как к политической мере, с помощью которой на смену одному господствующему слою приходит другой, преследующий столь же своекорыстный интерес? Если считать целью экономической реформы рациональную организацию общественного производства, призванную обеспечить страну всем необходимым, придется признать, что само по себе наделение крестьян землей — это еще полдела. Фермерским хозяйствам требуется всесторонняя поддержка государства, включающая в себя не только кредиты, но и соответствующую переориентацию промышленного производства, и развитие инфраструктуры, и строительство школ с учетом отдаленности друг от друга фермерских хозяйств, и т. п. В свете всего сказанного получим, что в наших нынешних условиях преимущества частной собственности отнюдь не очевидны; если они и есть, то проявятся нескоро, а какие способы хозяйствования наиболее целесообразны, покажет практика. Если же частная собственность вводится во что бы то ни стало, даже вопреки экономической целесообразности, напрашивается вывод, что экономическая реформа — всего лишь предлог для закрепления некоторых политических интересов. Другой иллюстрацией соотношения экономики и политики служит то, что экономические интересы сплошь и рядом приносятся в жертву сиюминутной политической выгоде, когда жизнеспособные хозяйственные связи разрушаются в угоду амбициям политических и государственных деятелей. То есть речь идет отнюдь не о государственном регулировании экономики, что было бы, на мой взгляд, вполне оправдано и желательно, а о подчинении экономики сиюминутным политическим целям.

В условиях приоритета политики над экономикой велика вероятность того, что человек как главный элемент производительных сил так и останется, как у нас принято выражаться еще с доперестроечных времен, «человеческим фактором», т. е. по-прежнему будет считаться средст-

вом производства, а вовсе не целью общественного развития. На долю человека выпадет совершенствование технологических навыков под политическим и идеологическим контролем, но не спонтанное социальное развитие, в ходе которого он становился бы саморазвивающейся и самоценной личностью, что означало бы воплощение гуманизма в повседневную практику. Думаю, что без свободного саморазвития личности ни о каком гуманизме не может быть и речи. Яркий тому пример — тоталитарное государство. Оно действительно обеспечивает своим гражданам определенный уровень защищенности, оно настолько «хорошо» относится к человеку, так «заботится» о нем, что берет его под полную опеку, контролируя не только поступки, но и мысли, избавляя человека от угрызений совести и от ответственности за содеянное. Как показывает практика, многие чувствуют себя в подобных условиях достаточно комфортно и не спешат поменять государственную опеку на личностную свободу. Тем не менее я считаю, что ни стабильное положение человека в обществе, ни его защищенность сами по себе не являются показателями гуманизма, хотя без них гуманизм вряд ли осуществим на практике. О гуманизме, по-моему, можно говорить только тогда, когда человек развивается по законам собственной деятельности, за которую несет всю полноту ответственности.

Одна из целей предпринятых в бывшем СССР преобразований состояла в том, чтобы преодолеть сложившееся положение вещей, высвободить человека для самостоятельной деятельности, обеспечить ему достоинство самоопределяющейся личности. Другими словами, от развития отдельно взятых сторон общественного производства перейти к общественному развитию личности. Во имя этой цели провозглашались экономические и политические реформы.

Насколько реальна и актуальна поставленная цель? Соответствует ли она общемировому направлению развития? Здесь мы подходим ко второму из отмеченных обстоятельств: к происшедшим в мире изменениям, в результате которых приходится корректировать представление об общественном развитии.

Думаю, сама идея общественного развития на сегодняшний день предполагает переориентацию общественного производства с «человеческого фактора» или любой другой абстракции на реальную саморазвивающуюся личность. Это связано с тем, что капитализм преодолевает свою односторонность, в ходе чего меняется субъект общественного развития.

Капитализм возник как общество саморазвивающейся экономики, подминающей под себя все прочие сферы общественной жизни, в том числе и человека. Самодовлеющий характер экономики проявился в том, что ее законы стали законами общественного развития, действующими на человека с силой внешней необходимости, а логика развития капитализма предстала как всеобщая логика. Я полагаю, что именно эту особенность капитализма предугадал Г. Гегель, идеализировал ее (в философском смысле слова) и представил в виде всеобщей логики разума. При таком подходе легко впасть в искушение выдать логику развития данной общественной системы за логику развития вообще. Однако К. Маркс соотнес гегелевские догадки с реальной жизнью и показал, что универсальность капиталистического производства не исключает его ограниченности, вытекающей из его собственной противоречивости. Другими словами, этот способ универсален, поскольку внешние преграды не в состоянии его удержать, однако в силу внутренней противоречивости он сам ограничивает себя собственной противоположностью, порождаемой в процессе развития.

В настоящее время капитализм переживает стадию, на которой его универсальность уже развернулась и породила свою противоположность: законы саморазвивающейся экономики все больше переориентируются на социальные цели, на создание условий для саморазвития личности. Процесс этот, видимо, в самом разгаре; по крайней мере, чисто экономическая необходимость уже не господствует безраздельно, но еще не отошла безоговорочно на второй план, а продолжает претендовать на ведущую роль. Выражением этого процесса являются противоречивое становление единого человечества как субъекта общественных изменений, постепенная ликвидация социально-экономических и политических ограничений человека и создание условий для саморазвития личности. В лице формирующегося единого человечества гуманистическая традиция приобретает определенную опору, до сих пор представленную лишь в тенденции. Для нас — современников этого процесса — трудность состоит в том, что мы принимаем участие в его становлении: отдельные народы и государства уже перестали быть совершенно автономными образованиями, а человечество еще не стало сложившимся субъектом; к тому же мы участвуем в этом процессе противоречиво, поскольку не оторвались еще от прежнего состояния, но уже включились в деятельность, устранившую его в конечном счете.

Изменившиеся условия требуют иного взгляда на критерий общественного развития. Теперь уже недостаточно считать им уровень развития производительных сил отдельно взятой страны. Приходится учитывать, что показателем общественного развития на сегодняшний день станет лишь такое состояние производительных сил, которое обеспечивает саморазвитие личности и используется для ее саморазвития, а не на какие бы то ни было иные цели.

Таким образом, я присоединяюсь к точке зрения, согласно которой общественное развитие сегодня — это движение по пути гуманизации общества, что предусматривает социально-экономическое и политическое развитие, достаточное для преодоления любых внешних ограничений человеческой самостоятельности и гарантирующее использование производительных сил в созидательно человеческих целях.

Попробуем применить разработанный критерий к нашему обществу и порассуждать, подпадают ли происходящие в нашей стране изменения под предложенное понимание общественного прогресса.

Итак, нам предлагают войти в «цивилизованный мир», повторив его историю, начиная с капитализма свободной конкуренции. Логика авторов подобных предложений проста и на первый взгляд непогрешима: раз все «цивилизованные» страны прошли такой путь, достигнув положительных результатов, значит и нам надо пройти тот же путь, если мы хотим добиться сходных результатов.

В подобном рассуждении я усматриваю как теоретические, так и практические просчеты. Чтобы пояснить их суть, приведу пример. Допустим, какое-то племя, жившее до сих пор в условиях общинного строя, пытается перейти сегодня к рабовладению. Как оценить предпринятую попытку и насколько она осуществима? Казалось бы, племя встало на путь прогресса, ибо рабовладение предполагает социальное расслоение, без которого нет ни роста производительности труда, ни развития потребностей и прочее. Но рассуждать подобным образом — значит отрываться от действительности. Включенность данного племени в международные контакты с неизбежностью приведет к тому, что, с одной стороны, ему не понадобится изобретать велосипед или любое другое полезное приспособление, потому что они изобретены и племя получит их в готовом виде вместе с необходимыми для этой операции рыночными механизмами, но — увы — без тех преобразований в производственной и социальной сферах, благодаря которым капитализм некогда преуспел. С другой стороны, останется ли международное сообщество равнодушным к тому, что у него на глазах воспроизводится одна из гнусных страниц пережитой им истории — рабство? Маловероятно. Скорее, оно постарается сгладить особо нетерпимые стороны существования племени, введя его в определенные экономические и политические рамки и получив тем самым возможность извлечь для себя некоторую выгоду за счет привнесенных в него механизмов обмена.

Приведенный пример, мне думается, наглядно показывает, что нет оснований полагать, будто этапы развития, пройденные некогда одной страной или этносом, могут воспроизводиться и в других безотносительно к реальным условиям. В практическом отношении это уже невозможно, поскольку изменился общемировой социальный контекст, вместе с которым отошли в прошлое предпосылки рабовладельческого общества. Теоретический просчет осмысления подобной попытки как общественного прогресса в том, что она построена на необоснованном допущении, будто все страны и народы развиваются — или должны развиваться — по единой логике. В действительности же единая логика действует только тогда, когда есть единый объект, который ей подчиняется. К тому времени, когда капитализм сложился как более или менее целостная система, единая логика вступила в свои права. Но это была уже логика капитализма, а не логика развития всех стран и народов вне и независимо от него.

Не вижу никаких логических оснований считать, что подключение к процессу становления единого человечества требует прохождения пути, уже пройденного частью стран и народов, поскольку убеждена в универсальности капиталистических механизмов, способных использовать и преобразовывать любой наличный общественный материал. Правда, остается открытым вопрос, что получится в результате. Полагаю, что этот вопрос решается конкретно-исторически. Наше желание получить предсказуемый результат — не достаточное основание для того, чтобы считать, будто подобное повторение возможно.

Точно так же, на мой взгляд, нет оснований полагать, что сегодня возможно возвращение в капитализм свободной конкуренции, хотя бы потому, что свободной конкуренции практически в мире не осталось.

Вновь обращаясь к нашему обществу, думаю, как и в случае с гипотетическим племенем, первым и необходимым условием введения капитализма свободной конкуренции стала бы его полная изоляция от внешнего мира. В противном случае одна сторона будет перенимать достижения современного мира и «размывать» предписанные ей механизмы, а другая не станет безучастно наблюдать за происходящим у нее под боком, препятствуя тому, что не соответствует ее нынешнему образу жизни, и извлекая выгоду из неуклюжих движений новоявленного претендента на место в «цивилизованном» мире.

По всей вероятности, создание такого «заповедника» для капитализма свободной конкуренции сегодня невозможно.

Но если не требовать невозможного, не следует ли признать, что «размытый» вариант вхождения в «цивилизованный» мир — это все-таки шаг вперед в развитии нашего общества? Если применять предложенный выше критерий, то я в этом очень сомневаюсь. И вот почему.

Подлинным достижением по второму варианту станет переход от приоритета политики над экономикой к их обратному соотношению, естественному для наиболее ретроградной тенденции капитализма, постепенно преодолеваемой в большинстве стран. Фактически это означает замену одной принудительно действующей необходимостью, воплощенной в тоталитарном режиме, другой необходимостью — чисто экономической. Расчет делается на то, что в свое время экономическая необходимость хорошо себя зарекомендовала, послужив основой для становления и развития демократии. Однако если мы согласимся с тем, что простое повторение истории невозможно в нашем открытом и взаимно проницаемом мире, то нет никаких оснований надеяться, что экономические законы обеспечат становление политического порядка, бывшего наиболее адекватным для них в XIX веке. В изменившихся условиях они способны привести к совершенно иным результатам. История XX века учит, что при определенных обстоятельствах саморазвивающаяся экономика спокойно уживается с тоталитарным режимом, а то и способствует ему. В нашем случае вероятность сползания если не к тоталитаризму, то к авторитарным формам правления повышается тем, что насильственное внедрение «рыночных отношений» на экономически и психологически не подготовленную почву неизбежно потребует жестких мер воздействия сверху, исключающих демократическую самостоятельность снизу, коль скоро она не укладывается в навязываемые схемы. Таким образом, гарантий для демократии за счет введения саморазвивающейся экономики мы не получим.

Можно ли рассчитывать на то, что господство экономической необходимости, пусть и насильственно внедренной, поможет создать достаточную основу для саморазвития личности? И здесь не может быть гарантий. Пока насаждение рыночных отношений повлекло за собой разрушение хозяйственных связей, которое активно подкрепляется и усугубляется политическим развалом страны. В результате этого процесса мы, видимо, получим вместо одной неэффективной системы хозяйствования множество «суверенных», но зависимых от внешней помощи экономик, не способных самостоятельно поддерживать существование общества, не говоря уж о дальнейшем развитии личности. При отсутствии устойчивого ядра в экономической и политической областях экономические законы будут работать скорее против нас, чем на нас, поскольку в соответствии с ними преуспевает сильнейший в ущерб слабому, каковыми мы являемся в «цивилизованном» мире. Следовательно, продолжение развала страны, вероятнее всего, приведет нас к потере экономической, а то и политической независимости, а вовсе не к экономическому процветанию.

Предположим, что таковы уж издержки нашей перестройки, которых, в принципе, можно было бы избежать. Допустим, нам удалось бы ввести процесс экономического развития в нормальное русло. На что можно рассчитывать в этом случае? Обратимся к опыту других стран, уже получивших желательные для нас результаты, и убедимся, что экономический прогресс шел весьма противоречиво, порождая не только социально-экономические достижения, но и социально-экономическое отчуждение, а потому сопровождался не только накоплением материальных и духовных ценностей, но и деградацией личности во многих отношениях. Иначе говоря, процесс создания реальной основы для гуманистического отношения к человеку будущего осуществлялся за счет разрушения отдельной личности в настоящем. И либо мы опять принесем нынешнего человека в жертву будущему (что, кстати, все труднее будет делать, поскольку в нашем взаимосвязанном мире люди ориентируются на мировые стандарты, а не на внутренние возможности страны), либо признаем, что чисто экономическая необходимость, не подкрепленная социальными мерами, по своему разрушительному воздействию на человека вряд ли намного лучше

тоталитаризма. Следовательно, преобразование экономических отношений должно сопровождаться социальными мерами в широком смысле слова, да не какими-нибудь, а отвечающими требованиям современного уровня саморазвития личности, превращения ее в подлинный субъект собственной деятельности.

О необходимости социальных мер говорится у нас немало, но понимаются они исключительно как меры социальной защиты от негативных последствий официальной политики. В свете изложенной выше трактовки общественного развития приходится признать, что подобные меры призваны обеспечивать всего лишь выживание общества, но никак не его развитие. Я считаю, что в нынешних условиях необходимо рассматривать социальные меры под иным углом зрения и истолковывать их не как «меры от...», а как «меры для...». При таком подходе на первое место выдвигаются условия, содействующие проявлению творческих способностей личности, созданию новых форм общественных связей, обогащению социального содержания человека и тем самым обеспечению основы для практического гуманизма. В первую очередь подразумеваются условия, способствующие созданию гражданского общества, что поможет человеку по-настоящему вжиться в новую социально-экономическую и политическую ситуацию, а значит, по-иному осмыслить общество и свое место в нем.

Только в случае органического сочетания экономического развития с обрисованной выше социальной его направленностью мы будем вправе утверждать, что наше общество развивается. Но тогда речь должна идти о механизмах включения в современный противоречивый мир с ориентацией на его сегодняшнюю прогрессивную тенденцию, а не на его позавчерашний день.

Думаю, что и для остального мира такой вариант был бы предпочтителен с точки зрения его дальнейшего развития. Он обеспечил бы более эффективную конвергенцию двух общественных систем, поскольку предполагает сближение и взаимопризнание в развитии и совместном преодолении односторонностей, а не замену одной односторонности на другую. В то же время очевидные экономические выгоды, скажем, от раздела природных богатств страны сиюминутны и скоропреходящи. Они не решают ни одной из существующих проблем, а только отдают их, подкрепив предварительно те самые силы, которые составляют оппозицию общественному прогрессу. Даже, казалось бы, бесспорные политические преимущества от устранения политического соперника и возможность влиять на него по большому счету тоже работают на оживление отжившей свой век тенденции к капиталистической экспансии в ущерб более прогрессивной тенденции преодоления капитализмом собственной односторонности и переориентации на разумное обустройство человека в мире с целью обеспечить ему основу для саморазвития. Поэтому поддержка подлинного развития нашего общества в единстве экономических, социальных и политических преобразований представляется более дальновидной по сравнению с достижением сиюминутных выгод, чреватых торможением развития человечества в целом.

Насколько осуществим тот вариант изменений, который подпадает под предложенное понимание развития? К сожалению, особых надежд возлагать на него не приходится. В том, что касается нашей страны, осуществимость описанного варианта сомнительна, в первую очередь, в силу нашей социально-экономической и политической отсталости. Даже в случае благоприятного стечения обстоятельств, как внутренних, так и внешних, нам понадобится, видимо, длительный переходный период, в течение которого мы будем осваивать новые способы хозяйствования, с одной стороны, приспособляя рыночные механизмы к нашим специфическим условиям, с другой — изменяя самих себя в соответствии с изменившимися общественными требованиями.

Однако мне представляется, что наши нынешние проблемы не сводятся к объективным и вполне понятным трудностям перехода от застоя к движению, от тоталитаризма к гуманизму. Наверное, такой переход и не может быть ни скорым, ни безболезненным. Согласно с отсрочкой осуществления поставленных целей на очень отдаленную перспективу. Проблема не в сроках, а в принципе: ориентируемся ли мы на реальное развитие человека или снова подменяем его абстракциями якобы во имя свободы? Какова подлинная направленность политики демократически избранного руководства? Если оно уповает на то, что благодаря возвращению к «естественному» ходу вещей все делается само собой, зачем нам содержать столь дорогостоящий и все разрастающийся чиновничий аппарат?

Определить подлинную направленность политики затруднительно из-за привычного уже для нас расхождения между словом и делом. На словах провозглашается радикальная экономическая реформа, которая должна обеспечить эффективное функционирование экономики, — на деле она подменяется предоставлением преимуществ спекулятивному капиталу, не только не

способному, но и не желающему заниматься экономическим развитием страны. На словах провозглашается свобода деятельности — на деле она оборачивается территориальной или национальной замкнутостью, т. е. вместо преодоления ограниченности мы получаем все новые границы. Справедливое осуждение попытки государственного переворота сопровождалось фактическим государственным переворотом, поскольку ликвидация Союза была произведена с полным пренебрежением к действовавшей в то время Конституции СССР и вопреки результатам референдума. Под разговоры о правовом государстве в России вводится новое ГПУ — Государственно-правовое управление, фактически стоящее над законом и подотчетное только президенту.

Наличие подобных расхождений между заявлениями о намерениях и их осуществлением может объясняться разными причинами. В данном случае важно то, что оно свидетельствует об отсутствии у властей предрасположенности к стратегической линии реформ, нацеленных на обеспечение условий для саморазвития личности.

В результате мы рискуем так и не вырваться из тисков ложной дилеммы. Раньше она формулировалась так: либо капитализм, либо социализм. Теперь в нее внесена поправка: либо социализм и господство партократии, либо капитализм и торжество демократии. Тем не менее дилемма остается ложной, ибо, вопреки часто приводимым доказательствам обратного, на мой взгляд, нет логически необходимой связи ни между социализмом и партократией, ни между капитализмом и демократией, а значит, эта поправка ничего в сущности не меняет, сохраняется простор для демагогии, когда полноценные и противоречивые общественные системы подменяются плоскими абстракциями. Но если раньше официальная идеология однозначно отдавала предпочтение «социализму», что на практике выливалось в подавление человеческой самостоятельности через подгонку человека под такие абстракции, как «общественная собственность» или «коллективизм», то теперь господствующая идеология (не желающая именоваться официальной) столь же однозначно предпочитает «капитализм», достижение которого вновь связывается с подгонкой человека под такие абстракции, как «приватизация», «либерализация», «суверенизация» и пр. При этом игнорируется то обстоятельство, что раз уж человек подводится под абстракции в ущерб его саморазвитию — значит о социализме не может быть и речи: это противоречит ему в сущности. Точно так же с капитализмом: либо мы относимся к нему как к живому обществу, способному преодолевать собственную односторонность, либо мы подгоняем человека под его абстрактные характеристики, в значительной мере уже изжитые им самим. Таким образом, на практике нам предлагают выбрать абстракции, которым мы хотим подчиняться, а отнюдь не освобождение от их засилия. По нынешним меркам переход от предпочтения одного другому можно назвать изменением, переименованием, но никак не развитием.

Мне представляется, что реальными альтернативами нашего общественного развития являются либо создание основы для свободного развития личности через преобразование экономики, демократизацию нашей жизни и пр., либо сохранение каких-то способов внешнего подчинения и ограничения человеческой самостоятельности. Каковы эти способы, вопрос второстепенный. Не исключено, что среди них есть лучшие и худшие. Полагаю, однако, что сама постановка вопроса заимствована из прошлого. В нынешних условиях, на мой взгляд, пришла пора для более принципиального подхода: хватит искать еще один перспективный способ подавления личности, пора задаться целью (пусть пока в стратегическом плане на отдаленную перспективу) подчинить общественное производство развитию личности.

К сожалению, нынешнее руководство так вопрос не ставит, фактически сужая выбор до дилеммы между прошлым и настоящим, как если бы ничего иного не могло и быть, как будто происходящее в нашей стране — единственная альтернатива прошлому. В принципе не соглашаясь со столь одномерным подходом, считаю нужным заявить, что отсутствие указанной стратегической цели чревато для нас опасностью вновь сесть на «подводные рифы».

Справедливости ради отметим, что нельзя требовать от нынешнего руководства развернутой стратегии: общественные тенденции настолько смутны и сумбуры, что вряд ли поддадутся описанию в рамках целостной картины. Полностью отдавая себе отчет в подменной трудности, все-таки настаиваю на необходимости выработать хотя бы стратегические ориентиры, раз уж невозможна пока развернутая система. Ведь в стратегической линии обозначена система ценностей, которой мы придерживаемся, и расставлены по своим местам цели и средства. Пока стратегические ориентиры не сформулированы, многие принципиальные вопросы решаются, исходя из сиюминутных соображений и безотносительно к тому, что мы хотели бы получить в

перспективе. Например, совместимы ли желание сохранить политическую независимость и стремление «войти в мировое сообщество», которое вправе потребовать от вступающей в него страны соблюдения как экономических, так и политических условий? Какими соображениями следует руководствоваться при определении внешнеполитических приоритетов? Каковы подлинные интересы человека и всегда ли они совпадают с тем, что он сам о них думает?

Подобные вопросы требуют четкого разграничения целей и средств. Упование же на «естественный» ход вещей означает вольное или невольное проведение в жизнь политики, растворяющей стратегию в наборе технических приемов и ставящей средства общественного развития на место целей. Такая политика выражает интересы социальных групп, процветающих на нестабильности общества, например представителей спекулятивного капитала, но отнюдь не большинства народа.

Признавая неизбежность в наших условиях жестких мер по стабилизации экономики и проведению экономической реформы, настаиваю на том, что они должны рассматриваться только как средства для достижения стратегической цели — свободного саморазвития личности,— если мы хотим, чтобы общество развивалось в современном смысле слова. В противном случае вместо подлинного развития общества получим иную форму подавления личности, осуществляемую новым паразитическим слоем. То есть под рассуждения о демократичности наших реформ мы подготовим себе новую историческую «западню».